

ПОДВИГ АБО И ДЕЯНИЕ ИОВАНЭ САБАНИСДЗЕ

Il n'est... service que d'ennemi.

Francois Villon¹

Даже не проводя специального исследования, можно предположить, что на любом человеческом языке слова «чужой, чуждый» имеют, скорее всего, отрицательное значение или оттенок, являются синонимом странного, неприятного, враждебного, а то и прямо отталкивающего. В известном стихотворении на смерть Пушкина Лермонтов ярко и не без боли изобразил это извечное противоположение своего и чужого: «Смеясь, он дерзко

---

¹ «Услужит только враг». Франсуа Вийон.

презирал страны чужой язык и нравы».

В некоторых языках слово «чужой» прямо отождествляется со словом «враждебный». Латинское «hostis», родственное русскому «гость», одновременно значит «чужой, иноземец» и «враг».

Но если мы перейдем на грузинский, то попадем в совершенно другую атмосферу, окружающую это слово. В Грузии, например, нельзя сказать, «*чуждое влияние*» или «*чужие нравы*» в отрицательном смысле, как по-русски. В русской языковой среде слово «*чуждый*» сразу указывает нам, что речь идет о чем-то нехорошем, вредном, с чем надо бороться, чего надо опасаться. В Грузии в слово «*უცხო*» – «*чуждый, чужой*» никак невозможно вложить такой отрицательный смысл. Напротив, удивительно, что как раз это слово, наряду со своим прямым значением, употребляется для выражения чего-то особенно замечательного, чего-то высокого качеством своим. «*Уцхо рам*» (буквально, «*нечто чужое, нечто чуждое*») – говорится о чем-то прекрасном, безусловно привлекательном. Или например, слово «*საუცხოო*» (буквально, «*предназначенное для чужака*») обозначает нечто восхитительное, чудесное, необыкновенное.

Князь Петр Багратион во время нашествия Наполеона на Россию, недовольный тактикой Барклай де Толли, отступавшего перед французами, бросил в сердцах: «*Барклай ведет гостя прямо в Москву*», придав слову «*гость*» иронический, но и прямо отрицательный, враждебный смысл. Пото-

мок грузинского царского рода мог так сострить только в качестве русского генерала. В Грузии его иронии вокруг священного слова «*стумари*» («*гость*») никто бы не понял.

Весьма показательным образом оппозиция «*свой – чужой*» представлена в «*Каноне святой равноапостольной Нино*», принадлежащем перу Католикоса-Патриарха Грузии (1230–1240) и гимнографа Арсени IV Булмаисимисдзе².

Канон написан в конце периода наивысшего внешнего расцвета Грузии, судя по всему, до катастрофических нашествий Джалалэддина и татаро-монголов, на исходе века Давида Строителя и Тamar, когда страна устами своих монархов, богословов и поэтов заявляла претензию на роль ведущей восточно-христианской державы и чувство национального самолюбия должно было достичь высшей меры.

Тем не менее Арсени демонстрирует величайшее смирение перед героиней своего произведения, чужеземкой Нино, смирение не личное, а от имени своего народа. Ему и в голову не приходит как-нибудь дать понять читателю или слушателю, что древние его предки, в конце концов, тоже что-то значили как нация, или, как принято формулировать в наше время, что грузинское общество того времени достигло определенного уровня развития и почва для деятельности просветительницы

² «*Чвени саундже. Грузинская письменность*», 1, сс. 542–545.

была подготовлена. Нет, и не думая ставить в счет достоинства своего народа, Арсени увлеченно живописует пропасть, которая разделяла народ и проповедницу.

Грузинский язык для Нино – это «*язык незнаемый*». Но это еще ничего. Гораздо страшнее нравственная пропасть. Народ грузинский до появления Нино – это, в представлении патриарха Арсени, род непокорный, жестоковыйные варвары, невежественные и косные, пребывающие в могилах смердящие мертвецы, поработанные сатаной. Напротив того, св. Нино – это голубица, мудрая сердцем, боговидица, могучая, как лев, обозревающая взглядом пространство всего мира, «*собственная*» проповедница Духа Святого, «*орган [орудие] милостей*» Пресвятой Богородицы.

Чего ради подвизается Арсени? Неужели он одержим разрушительным желанием оскорбить и унижить народ, который так почтила и превознесла историческая судьба в эпоху Тамар, младшим современником которой он был? Если так, почему же произведение его пронизано торжественным настроением и великой радостью? Нет, поэт хочет именно славить свой народ, но иным способом, не восхваляя его достоинства, но выявляя ту неизмеримую божественную милость, которая с приходом Нино неожиданно и незаслуженно пролилась на него. Чем более суровыми словами «воспеты» грузины в произведении Католикоса-Патриарха Арсени, чем глубже и обширнее видится

пропасть между народом и почитаемой святой, тем величественнее становится чудо любви, эту пропасть покрывшей и навсегда соединившей святую просветительницу с некогда чуждым и далеким племенем. А значит, тем большим было и небесное благоволение, проводником которого виделась автору его героиня.

Развивая принцип, который ясно просматривается в творении поэта-патриарха, можно было бы сказать: велика благодать, когда из среды народа выдвинется герой и потрудится для него, но еще больше она, когда неведомая сила от края земли приведет чужака и незнакомца и сделает его народным героем. Святая Нино, будучи сама чужеземкой, имела среди сподвижников на грузинской земле и не грузин (перса, гречанку, евреев)³, которые вместе с нею первыми вошли в собор местных святых и положили начало своеобразной грузинской традиции.

* * *

Таинственно и волнующе светит из глубины веков созвездие чужеземных героев нашего народа.

---

³ Персом и гречанкой были равноапостольные царь Мириан и царица Нана, еврейми священник Авиафар и дочь его Сидония (память все четверых 1/14 окт.)

Персы Ражден⁴ и Эвстати⁵, армянка Шушаник⁶, сирийцы Иоанэ и Давид, Шио и Иосеб⁷ и многие, многие другие. Их имена – на самом почетном месте в грузинском пантеоне. Особенно много их на одном определенном отрезке времени, с IV по VIII век, быть может, в самый ответственный период грузинской истории, если можно выделить такой в истории народа, вся жизнь которого была и остается почти непрерывной цепью критических моментов, – как бы у колыбели новой Грузии с ее новой религией, новым становящимся самосознанием, новыми, более тесными и более жесткими отношениями с окружающим миром. Они не только потрудились для этой новой Грузии, но приняли

---

⁴ Ражден († 457, память 3/16 августа), мученик, персидский вельможа, оказался в Грузии в качестве дядьки персидской царевны, выданной замуж за царя Вахтанга Горгасали († 502, память 30 ноября/ 13 декабря), и здесь принял христианство. Во время одного из персидских нашествий был захвачен в бою персами, распят и расстрелян из луков. Почитается как первомученик Грузинской Церкви.

⁵ Эвстати (Евстафий) Мцхетский, † 589, память 29 июля/ 11 августа), мученик.

⁶ Шушаник († 475, память 28 августа/10 сентября), мученица.

⁷ Иоанн Зедазнийский, Давид Гареджийский, Шио Мгвимский, преподобные, Иосиф Алавердский, святитель (VI в., общая память 7/20 мая, есть и отдельные дни их поминовения) – так называемые «*сирийские отцы*» (всего их было тринадцать во главе с Иоанном Зедазнийским), основатели грузинского монашества и первых грузинских монастырей, существующих и в настоящее время. По преданию, избраны и присланы в Грузию Пресвятой Богородицей.

непосредственное участие в ее созидании.

Как бы подводя итог этому периоду грузинской истории и месту, которое заняли в нем святые чужеземцы, автор «*Мученичества Або*» Иованэ Сабанидзе именно на рубеже VIII–IX вв. именует Грузию (Картли) «*Матерью святых, некоторых здешних же жителей, а некоторых чуждых и отвне пришельцев к нам*».

Из чуждого, часто – исполненного угрозы мира, нередко – из самого лагеря заклятых врагов, с целью проповеди или волею судьбы, приходили они, чтобы разделить участь нашего народа, научить его или отдать за него жизнь.

Иногда, как в случае с некоторыми мучениками, их подвиг был вполне частным делом и имел целью лишь спасение собственной души, но в силу обстоятельств и места подвига становился делом общественным и – чего они искали и о чем думали, может быть, меньше всего, – делом национальным.

Наверное, ни один народ в своем бытии не обходился без такого рода пришлых сотрудников. Но эти древние грузинские иностранцы, как видно, представляют собой особое явление. Они были одарены одним общим свойством – будто не желая довольствоваться простым гражданством, они решительно устремлялись прямо в «*святая святых*» новой родины, сами становясь его неотъемлемой частью и национальной святыней.

Предельно символическим и, в то же время, буквальным образом произошло это в случае с пер-

сом Гвиробандаком, он же Эвстати Мцхетский, которого прежние соплеменники казнили за переход в новую веру, а новые – с благоговением погребли под алтарем мцхетского Светицховели – главного грузинского храма.

* * *

Грузины и сами не остались в долгу перед человечеством, не за страх, а за совесть потрудившись и пролив кровь ради многих новых отечеств. Св. Антимоза Ивирянула⁸ или генерала Петра Багратиона провидение наградило тем же даром, что Шио Мгвимского или Раждена. Потому что Антимоз был не обычным церковным служителем, но большим румынским патриотом, подвижником румынского языка и культуры, а Петр Багратион – не рядовым героем, каких много было в России в его время, но, по слову Дениса Давыдова, *«главой наших героев»*.

---

⁸ Священномученик Антимоз Ивирянул (Ивериец, 1650–1716) – грузин, захваченный и проданный в рабство разбойниками. Был выкуплен и воспитан Иерусалимским патриархом Досифеем II. Впоследствии стал митрополитом Унгро-Валахийским (Бухарестским), духовным вождем патриотического движения в Румынии. Писатель, богослов, типограф и скульптор, он был столпом румынской культуры и реформатором румынского литературного языка. Причислен к лику святых Румынской Церковью в 1992 г. Память 14 сентября, в день его мученической кончины. Грузинская Церковь поминает Антимоза Ивериели 13/26 июня.

Традиция Нино, Шушаник и Эвстати никогда не исчезала полностью и возродилась в новое время, когда вновь вокруг Грузии собрались чужеземные любители «языка незнаемого».

Те древние чужестранцы приходили и становились частью нашего народа, ведь и служение их было внутренним – они помогали Грузии обрести себя; а эти новые, жившие и живущие в основном вдали от нас, остаются французами, русскими, англичанами, поскольку и служение их направлено вовне – они помогают Грузии явить себя миру, с ее историей, культурой, ее духом. Но и здесь время от времени являются примеры таинственной и удивительной тяги к более полному слиянию с чужим народом. Чрезмерное грузинолюбие Артура Лайста⁹ и Марджори и Оливера Уордропов¹⁰ драгоценно не только само по себе, но и как подтвер-

---

⁹ Артур Лайст (Arthur Leist, 1852–1927). Немецкий писатель и публицист, много писавший о Грузии и умерший здесь. Похоронен на мемориальном кладбище Дидубийский Пантеон. Ему принадлежит первый немецкий перевод «*Витязя в барсовой шкуре*» (1889). С 1906 по 1922 издавал газету кавказского немецкого землячества «*Kaukasische Post*».

¹⁰ Марджори Скотт Уордроп (Marjory Scott Wardrop, 1869–1909). Английская переводчица, автор одного из лучших и первых переводов «*Витязя в барсовой шкуре*». Ее брат, сэр Джон Оливер Уордроп (sir John Oliver Wardrop, 1864–1948), дипломат, специальный посланник Английской короны в Грузии (1919–1921). После смерти сестры основал в 1910 году, поддерживал и пополнял «*Фонд Марджори Уордроп*» в Бодлианской библиотеке Оксфорда, предназначенный для исследований грузинской истории, культуры и литературы.

ждение установленной святой Нино традиции, и поневоле рождает мысль о возможности нового явления в Грузии не только чужеземных радетелей, но и чужеземного по происхождению народного героя.

Те древние чужестранцы были не одиноки в своем служении. Почти рядом с ними, в их же эпоху боролись, жертвовали собой или побеждали многие другие герои и подвижники, рожденные самой Грузией и ее народом. И все-таки подвиг и заслуги этих чужаков не спутать ни с чьим другим.

История Грузии оказалась достаточно богатой, чтобы каждому из них дать яркую единственную роль. Это хорошо видно, скажем, на примере Шушаник. Личность армянской героини и ее место в историческом бытии грузинской нации (о чем следует вести отдельный разговор) не таковы, чтобы можно было бы кем-то ее заменить. Для нее нет параллельной фигуры в нашей истории.

Но, пожалуй, ни в каком другом случае чужеземное происхождение само по себе не сыграло столь важной роли в общественном служении героя, как в случае с Або.

Когда читаешь «*Мученичество Шушаник*» или «*Мученичество Эвстати Мцхетского*» – произведения, посвященные подвигу двух предшественников Або, обращает на себя внимание то обстоятельство, что чужеземное, негрузинское происхождение этих героев хоть и отмечено авторами, но совершенно не осмыслено с точки зрения

грузина. Это еще понятно, когда мы имеем дело с Шушаник. Представительница братского народа (для древнего писателя это слово имело буквальное значение)¹¹, воспитанная в доме грузинского князя, она жила в эпоху особенной духовной близости двух народов и поклонения общим святыням, чему положил конец церковный разрыв в начале VII века, да и подвиг свой совершила в местности со смешанным грузинским и армянским населением, а значит, даже и не на чужбине.

Более удивительным и многозначительным представляется то обстоятельство, что и автор «*Мученичества Эвстати*», который пишет не об армянке, а о персе, проявляет столь же мало умения или охоты оценить рассказанную им историю с национальных позиций. Хотя именно из уст его героя исходит первый в нашей письменности намек на любовь к грузинской земле – просьба к Господу быть похороненным на новой родине, «*в Мцхете святой, где Ты явился мне*». Подобное пренебрежение к области национального столь чуждо современному сознанию, что в произведении находили даже проперсидские симпатии, а в его авторе видели такого же, как Эвстати, огрузинившегося перса.

Надо думать, что ни Иакоб – автор «*Мученичес-*

---

¹¹ По древней легенде, зафиксированной в грузинск. летописи, армяне и грузины происходили от двух братьев Хаоса и Картлоса (Haos, Kharthlos, отсюда и самоназвания хайк, Хайастан и картвели, Картли, Сакартвело). *Картлис цховреба*, т. I, с. 4.

тва *Шушаник*», ни безымянный автор «*Мученичества Эвстати*», а вместе с ними и тогдашняя грузинская литература и грузинский народ не ведают еще патриотизма как осознанной и бдительной любви к родине.

Кто может проследить рождение этого чувства из инстинктивной детской привязанности к месту рождения, своему племени, его языку, обычаям и вероисповеданию? Но, кажется, мы можем отметить момент, когда это новое – глубокое и сильное – чувство впервые заявило о себе и с тех пор навеки вошло в наше сознание.

Это произошло 1200 лет назад, в 80-х годах VIII века, во время одного из величайших поворотов грузинской (и всемирной) истории – арабского нашествия. Появившись в Закавказье в середине VII века, арабы со временем прочно обосновались здесь. От захвата всей Грузии, несмотря на победоносные и разрушительные экспедиции знаменитых полководцев Хабиба ибн Масламы и, особенно, Мервана ибн Мухаммеда, им пришлось отказаться, но зато они утвердились в Картли, поставив под свой полный контроль местного правителя, а впоследствии даже основали Тбилисский эмират, просуществовавший в качестве мусульманского владения вплоть до 1122 года, когда Давид Строитель как венец своих государственных и ратных подвигов взял Тбилиси и вернул туда трон грузинских царей.

В отличие от огнепоклонников-персов, лишь

на исходе собственного язычества, да и то по политическим причинам, занявшихся религиозными делами соседних народов, арабы-мусульмане проводили именно религиозную экспансию. Конечно, новую религию в покоренных странах они насаждали, в первую очередь, силой оружия, а затем с помощью экономического давления в виде особого налога на иноверцев, но они были сильны также и своим рвением, упорством, своей верой в пророка Мухаммеда, героями веры и даже чудесами.

Стефанэ Мтбевари, автор *«Мученичества св. Михаила-Гоброна»* (X в.)¹², с достойной подражания беспристрастностью рассказывает, что когда эмиру Абул-Касиму сообщили об огнях, которые каждую ночь видели над могилами казненных им грузинских воинов, он уверенно ответил, что такие же огни бывают и над могилами мусульман, убитых греками (т. е. христианами). Даже этот небольшой эпизод может показать, какой внутренней силой, вдобавок к военному могуществу, обладал ислам, когда появился в Грузии.

Сложившуюся в Картли в конце VIII века в результате владычества арабов моральную ситуацию так обрисовывает Иованэ Сабанисдзе, автор *«Мученичества святого и блаженного мученика Христова Або»*:

---

¹² Михаил-Гоброн, мученик, военачальник. С ним причислены к лику святых мучеников и казненные вместе с ним 133 его воина († 914, общая память 17/30 ноября).

«Ибо тех, которые пребываем в заливе этом земли, от жестокости и коварства, ухищрениями соблазна, стоящие эти над нами властители этого часа,... отступившие от Христа, многих соблазнили и отвратили от пути правды, и перед истиной Христова Евангелия ввели в грех, которые пятьсот лет времени и раньше законоположены были святой благодатью крещения.

С тех пор и даже донныне порождения христианские развратили: некоторых насиллием, некоторых обманом, некоторых в отрочестве неведением, некоторых хитростью. А другие, те, которые пребываем верными, под насиллием порабощенные и лишениями и нищетой связанные, как железом, под данью их биемые и терзаемые, весьма дорого искупаемые, от страха истаевают и колеблются, как тростник от ветров сильных, однако Христовою любовью и страхом, по обычаю отечественного хождения, терпением бед не удаляются от Единородного Сына Божия».

С такой грозной опасностью грузинскому народу еще не приходилось сталкиваться. Если учесть, сколько народов и племен, сколько христианских стран поглотила волна арабской экспансии, носителем какой нивелирующей силы оказался ислам, понятной станет опасность, перед которой оказалась Картли, а с нею и вся Грузия.

Однако, как это нередко бывает, сама величина опасности и открыто заявленные цели захватчиков оказались благодетельны и вызвали не только вооруженную борьбу, но и пробуждение самосознания. Этой эпохе и арабам-завоевателям

обязаны мы нашими славными героями – Давидом и Константином¹³, Арчилом¹⁴, Константием Кахи¹⁵, Ашотом куропалатом¹⁶, Михаилом-Гоброном, – но, видно, этой же эпохе и арабам обязаны мы и рождением нашего национального сознания.

Но захватчики пошли в своем невольном благодеянии еще дальше, не только вызвав сопротивление покоренного народа, но из своей же среды выдвинув человека, ставшего знаменем этого сопротивления. Потому что как ни много было славных героев антиарабской борьбы в Грузии, все же самым ярким и благотворным моментом ее видится 6 января 786 года – праздничный Крещенский день, когда арабы казнили в Тбилиси бывшего своего соплеменника и единове́рца некоего Або, из окружения подвластного им картлийского правителя Нерсе¹⁷.

Арабского юношу Або (или *хабо*) судьба связала

---

¹³ Давид и Константин, мученики, братья князя Мхеидзе (VIII в., память 2/15 окт.). Мощи их в монастыре Motcametha («Мучеников») близ г. Кутаиси.

¹⁴ Картлийский царь, мученик († 744, память 21мар./4 апреля).

¹⁵ Также – Константин, князь, мученик († 852, память 10/23 ноября).

¹⁶ Царь, страстотерпец (787–826, память 29 янв./11 февр.), см. о нем «Символ», № 42, 1999, сс. 263 и далее.

¹⁷ Это, по-видимому, тот самый Нерсе, у которого воспитывался с детства преп. Григол Хандзтели (см. Гиорги Мерчулэ, *op. cit.*, сс. 46–50; «Символ», № 42, 1999, сс. 254–256). Таким образом, он выступает в роли своего рода крестного отца двух величайших святых и героев грузинского народа и Церкви.

с картлийским князем Нерсе таким образом, что перемены в положении последнего становились этапами на пути Або к подвигу и ступенями в его духовном росте. Они впервые встретились, когда картлийский правитель прибыл ко двору эмира в новую столицу арабской империи Багдад для дачи ответа на какие-то обвинения и здесь на три года был посажен под стражу. Заключение не было, как видно, чрезмерно строгим, и князя не лишили полностью связи с внешним миром и со своей свитой. Тогда-то в его окружение и вошел местный житель Або, профессией которого было *«смешение благовоний»*.

Рассказ о происхождении Або его дееписатель Иованэ Сабанидзе начинает весьма издавелека, с библейского праотца Авраама и сына его Измаила, который считается предком измаильтян, или арабов.

«Он порождением был Авраамовым, – сообщает писатель, – из сыновей Измаила, от колена сарацинского». И подчеркивает: *«И отнюдь не от иноплеменника или от наложницы рожденный, но всяко аравийского племени, по отцу и матери, которого отец его и мать его и братья и сестры его были там же в городе том Багдаде Вавилонском. И он был отрок, юноша, этак восемнадцати лет, либо меньше – семнадцати лет... и научен был грамоте сарацин, сынов Измаила, сынов Авраама, порождений Агариных»*.

Когда через три года новый эмир Махди освободил князя Нерсе и отпустил его домой, Або по-

желал отправиться с ним и навсегда распростился со своей родиной и своей родней. Иованэ замечает, что это решение он принял не сам собой, но послушавшись того же самого голоса, который некогда призвал Авраама в землю обетованную.

В Картли Або скоро заслужил любовь окружающих своим добрым нравом, овладел языком и научился грузинской грамоте. Он стал посещать христианские богослужения, но скрытно, таясь от своих соотечественников, которые были в Тбилиси полными хозяевами. Из текстов, которые он читал или слышал в церкви, его биограф называет *Евангелие*, *Апостол* и *Пророков*. Но можно, не боясь ошибиться, прибавить к ним произведения собственно грузинские, в том числе, такой впечатляющий шедевр, как *«Мученичество Шушаник»*, или историю подвига Эвстати. И вскоре умный и пытливый юноша, любивший расспрашивать знатоков вероучения и даже вступать с ними в споры, постиг учение христианской Церкви.

Наступил новый этап его судьбы. Князь Нерсе вновь оказался в конфликте с арабами, и ему вместе с приближенными пришлось бежать на север, в Хазарию. Або последовал за ним и туда. Здесь на чужой стороне, среди народа дикого (*«люди дикие, страшные ликом, звериной природы»*), но зато религиозно индифферентного (*«у которых нет закона, но Бога только Создателя знают»*) и враждебного арабам, Або наконец-то отбросил

страх и принял крещение.

Через некоторое время князь Нерсе со своей свитой перебрался в Абхазию, которая *«безопасна была... от страха сарацинского»*. Новообращенный Або был принят с почетом и представлен правителю страны. Сам же он, *«как увидел людей той местности преизобилующее боголюбие и молитву всего народа того непрестанную, ревность божественную подъял»* и вступил на путь разнообразных аскетических подвигов – сурового поста, длительной молитвы, продолжительного молчания.

И вновь перемена, на этот раз – последняя. Князь Нерсе примирился с арабами и получил разрешение вернуться в Тбилиси. Тогда правитель Абхазии обратился к Або с призывом остаться и не уходить из Картли, так как арабы не простят ему отступничества. *«Боюсь я за тебя, – сказал правитель, – как бы опять не уклонили тебя от веры Христовой волею, либо неволей, и такой труд твой ты не погубил»*.

Остаться в Абхазии вовсе не значило проявить малодушие, но только разумную осторожность, тем более, что путь аскетических трудов, на который уже вступил Або и которым он мог беспрепятственно шествовать в Абхазии, издавна почитался равным мученичеству, а то и превосходящим его из-за долговременности лишений и жестокой внутренней борьбы, с которыми был связан. Так что выбор, перед которым оказался Або, был, так

сказать, скорее делом вкуса, внутренней склонности героя. Або предпочел отправиться в Тбилиси. Его как будто призывали его предшественники, грузинские мученики, среди которых немало было таких же, как он, чужеземцев.

В Тбилиси еще в течение трех лет Або открыто исповедовал христианство, но, пишет Иованэ, почти дословно повторяя текст соименного себе евангелиста, относящийся к Христу, *«никто не поднял на него руки со злом, ибо еще не пришел час его»* [Ср.: *Ин* 7, 30; 8, 20]. Лишь через три года был он взят под стражу, и после отеческих увещаний тбилисского эмира и местных арабов, которые оплакивали его молодость и пытались вернуть в прежнюю веру, казнен. Трижды поражали его мечом, чтобы воздействовать непосредственным страхом смерти, но Або не дрогнул. Наконец, ему отрубили голову. Боясь, что останки героя станут по обычаю предметом поклонения христиан, арабы сожгли их, а пепел и кости бросили в реку Мтквари (Куру). Тогда, пишет Иованэ, множество христиан, презрев страх перед арабами, собрались у места последнего упокоения героя и видели яркую звезду, долго горевшую над тем местом, а затем свет, в виде столба исходивший из реки там, куда бросили кости Або.

Нетрудно представить, какое впечатление на жителей Картли должно было произвести поведение человека из стана врагов и поработителей, отдавшего жизнь за них и как один из них, если

и века спустя Або остается знаменитейшим из местных мучеников, почитается покровителем грузинской столицы, вдохновляет авторов гимнов и песнопений. И что такое памятный знак, установленный еще в период господства атеизма на Метехской скале, у места казни мученика, а затем и храм, построенный здесь, как не свидетельство того, что Або и по сию пору составляет часть нашего национального бытия¹⁸?

Но если личность Або вошла в историю, как та яркая звезда, что, по свидетельству Иованэ Сабанидзе, горела над местом последнего упокоения героя, то этим, кроме самого Або, мы обязаны и его другу Иованэ, вдохновенно описавшему вскоре это событие и раскрывшему его глубокий смысл.

Кто был сам Иованэ – известно еще менее, чем даже о первом нашем писателе Иакобе Цуртавели. Нет согласия даже относительно того, был ли он лицом духовным или мирским. Одно несомненно, он был прирожденным художником,

---

¹⁸ Первая попытка построить здесь церковь св. Або относится ко времени после восстановления независимости Грузии в 1918 году. Руководить сбором средств для строительства храма было поручено будущему священномученику архимандриту Григолу Перадзе († 1942; память 23.11/6.12). Ему же принадлежит и стихотворение, где упоминается место погребения Або и свет, исходящий из воды в день казни мученика. Сам св. Григол не только в самом мученичестве, но и в образе мученичества уподобился св. Або, будучи облит бензином и сожжен в концлагере Аушвиц.

подобно Иакобу Цуртавели или Шота Руставели, и ждал только призвания, чтобы «путесотворить» своему таланту. Правда, как пишет он сам, когда картлийский католикос Самоэл поручил ему описать подвиг Або, «*страх и забота охватили*» его. «*И смутился ум мой*, – сообщает Иованэ, – *и пал я и лишился разума*». Но это, поначалу чрезмерно эмоциональное отношение к поставленной перед ним писательской задаче, вовсе не сковало его вдохновения и фантазии, и, взявшись за дело, он создал одно из самых своеобразных и сложных произведений грузинской литературы.

Как автор литературного произведения Иованэ был наследником той свободы, которой отмечено самое раннее из дошедших до нас местных житий – творение пресвитера Иакоба Цуртавели. Автор «*Мученичества Шушаник*» жил в конце V века, когда жанры церковной литературы находились в процессе становления, и написал повесть, где в качестве «канона» использовал лишь удивительное чувство меры. Иованэ имел перед глазами уже устоявшиеся образцы, и дар свободы проявил не в отказе следовать им, но в своеобразном и творческом соединении повествования, проповеди, толкования, поэтического текста и в создании из них нераздельного целого.

Практически его книга – это примерно пять произведений разного жанра, написанных на одну и ту же тему, точнее, по одному и тому же поводу. «*Мученичество Або*» начинается в эпистолярном

жанре – посланием католикоса, которым он объявляет Иованэ описать подвиг новомученика, и ответом Иованэ, решившегося преодолеть робость и исполнить поручение. Затем появляется первая глава – обращение к читателю, своего рода проповедь, в которую включено нечто похожее на трактат с толкованием некоторых именовании Иисуса Христа, как то – Дверь, Путь, Агнец, Пастырь, Камень, Соль и т. д. Лишь после этого приступает Иованэ к рассказу о жизни и подвиге своего героя и делит его на две части-главы – жизнь Або до возвращения в Картли, и собственно история его страданий. И, наконец, заключает всю книгу последняя глава – *«Похвала святого мученика Або»*, ряд песнопений, которые Иованэ создал в прославление героя.

Разнообразие частей книги, посвященной Або, не делает ее механическим собранием текстов, объединенных лишь общностью темы. Нет, книга Сабанисдзе – это именно единое произведение, части которого дополняют друг друга, и только все вместе способны они вполне раскрыть мысль, *«заботу»* автора – показать, чем было это событие в жизни его страдающей родины.

Вместо обычного и естественного для такого рода произведений сюжета – биографии героя, Сабанисдзе нанизал части своей книги на другой, двойной стреле – прихотливое движение писательского воображения, ищущего достойной, наиболее пригодной формы для увековечения

этого события и переходящего от проповеди к рассказу, от рассказа к гимну, и – параллельное раскрытие смысла события. Замысел Сабанисдзе нашел свое выражение не в одной какой-либо части или пассаже. Он становится непростым итогом всего этого небольшого, но сложного по сути и форме произведения. Так что *«Мученичество Або»* замечательно уже необычным, неповторимым воплощением авторской мысли. Но еще более замечательно оно оригинальностью самой этой мысли.

Подобно Иакобу Цуртавели, и Иованэ близко знал своего героя. *«Достоблаженной той Христовой любовью < ты > возлюбил меня, пока пребывал в мире этом нашем»*, – обращается он к своему казненному другу. Но напрасно было бы искать в его повести того же трепетного сочувствия страдальцу, которым покоряет произведение его предшественника. И, кажется, не столько в различии писательских темпераментов нужно искать причину этого, сколько в разности персонажей и их судеб.

Шушаник, героиня Цуртавели, была женщиной, которую роковая ситуация застигла практически врасплох, да к тому же и вся трагическая ее история развернулась в лоне своего рода большой семьи, членами которой были и героиня, и ее мучитель, и автор, и почти все персонажи повести. И нити, связывавшие Шушаник с этой семьей, и с жизнью вообще рвались на глазах у всех в течение шести

или семи лет.

Не так было с Або. К тому времени, когда он принял решение в качестве явного христианина отправиться в занятый арабами Тбилиси, то есть заявил о себе, как о герое, процесс формирования его как героической личности уже совершился втайне. Глава «*Мученичества Або*», повествующая о его жизни до последнего прихода в Тбилиси, – самая сухая, схематичная, наименее «художественная» часть книги. Но тем нагляднее выступает в предыстории его подвига то, что все повороты его судьбы и сопутствующие обстоятельства оказались направлены к двойной цели – притяжению его к новой родине, где ему предстояло отдать жизнь за Христа и новых соотечественников-христиан, и освобождению от всех связей, которые могли помешать исполнить свое предназначение. Так, отъезд в Грузию означал отказ от прежней родины и родни, бегство в Хазарию – окончательный разрыв с арабами и их вероисповеданием и, наконец, переход в Абхазию и тамошние аскетические подвиги – начавшееся расторжение связей с земным существованием. Так что когда Або второй раз явился в Тбилиси, он был, как можно предполагать, уже мало подходящим объектом для обычной человеческой чувствительности, и, надо думать, правильно поступил Сабанисдзе, что не стал, в подражание тбилисским арабам, искать повод для сочувственных воздыханий в молодости героя или в чем-либо еще, а все свои способности направил

на то, чтобы воздать должное его подвигу.

У Иакоба осознание величия своей героини не уменьшает сострадания к женщине и близкому человеку, у Иованэ все поглощено восхищением и благодарностью. Сообразно с этим, Иакоб создал произведение глубоко человеческое, а Иованэ – высоко идейное.

Мысль, которую Сабанисдзе будет развивать на протяжении всей книги, намеком, в виде зернышка, зароненного в душу писателя, возникает в первых же строках, в послании католикоса, где о Або сказано, что он *«во дни эти наши мученичествовал в ходатаи ко Христу для нас и для всей этой страны нашей Картли»*. Но нужен был «обморок» (*«пал я и лишился разума»*), – пишет Иованэ), таинственное духовное явление, чтобы из этого зерна произросла концепция Сабанисдзе.

Основная часть *«Мученичества Або»* начинается не с рассказа о герое, а с торжественной проповеди, обращенной к будущим слушателям, собравшимся на богослужение. Чему же посвящена проповедь? Грузии-Картли и ее тогдашнему положению. Момент поистине торжественный. Впервые в нашей истории наш соотечественник обращает внимательный взгляд на свою нацию, возвышается над полубессознательным чувством принадлежности к некоему «чвен» («мы»), пытается постигнуть смысл этого слова, очертить

границы охватываемого им понятия. Но и это происходит не в одной какой-либо части или фразе, но на пространстве всего произведения. Иованэ является не только первым грузинским писателем, у которого проявилось национальное чувство, но также истинным гением этого чувства. Оно пронизывает всю повесть о Або, оно вездесуще и является настоящей солью этой повести.

Бог избирает Або и посылает его в Картли, как в землю обетованную, но предшествует этому шагу героя трехлетняя близость с грузинами, да и в Грузию отправляется он вместе с ними. Придя в Картли, Або вскоре становится христианином в душе, читает и толкует Священное Писание, но прежде он выучил грузинский язык, и этот-то язык и стал проводником его к христианству, как раньше грузины – проводниками в *«землю обетованную»*. Также и пребывание в другой грузинской земле – Абхазии и пример боголюбия тамошних жителей направляет Або на путь аскезы, предварившей и подготовившей его мученический подвиг.

Национальное чувство Сабанисдзе при этом не направлено ни на что материальное и в высшей степени духовно. Ни горы и доли, ни нравы и обычаи, ни красоты и достоинства, ничто из того, чем могла бы привлечь взор земля грузинская или похвалиться грузинская нация, не заслуживает внимания этого первого грузинского патриота. Только дары, только богатства духовные влекут

его, только их возможная утрата его страшит. Пятисотлетней давности избранничество в качестве народа христианского, богатое содержание самой исповедуемой религии, где Христос – основание этой религии – открывается в бесконечном разнообразии дарований, как Дверь (дверь жизни), Путь (путь на небеса), Агнец (вечно живая жертва), Пастырь (пастырь добрый) и т. д. – вот богатство его народа, которое всеми силами стараются похитить у него *«властители этого часа»*.

В то же время у Сабанисдзе удивительным образом сознание избранничества свободно от чувства исключительности. Сама жизнь показывает ему, что избранничество вовсе не увязывается безусловно с принадлежностью к его народу. В одной из стихир, обращаясь к Або, он так оплакивает судьбу одного своего соотечественника:

«Ты поистине правому тому [распятому справа от Христа] разбойнику уподобился, ибо имел и ты одного из заключенных с тобою, рожденного христианами [скорее всего, грузина], который уклонился было от Христа и следовал закону чужому, и опять за Христово исповедание с тобою судим был, однако достожалостный тот опять же преткнулся и пал. Ибо из страха смерти привременное это возлюбил, а вечное то погубил, враг лукавый восхитил и овца та Христова подрана была волком».

Но более всего смирению Сабанисдзе способствует сознание тяжести, связанной с несе-

нием этого избранничества, тяжести, почти превышающей силы его народа. Вновь обращаясь к Або, кается он от лица всех:

«Мы смешались с народом, чужим по закону, отступившим от Христа, с родом – привременного этого любителем, с племенем неверующим в Сына Божия, веры нашей ругателем, от которых научились делам их, и рабствовали помыслам сердец наших, в подражание им, как отчаявшиеся в Христе и забывшие о вечной жизни».

Тем более величественным и значительным выглядит подвиг Або, так как он, благодаря своему происхождению и изначальной принадлежности к стану торжествующих врагов, с особой авторитетностью подтвердил внутреннюю правоту притесняемого народа. Не мгновенный порыв – хотя и это было бы драгоценно, – но длительный двуединый процесс лег в основу обращения Або, а затем его жертвы – познание христианства и приобщение к бытию исповедующего его народа. Так что своим обращением Або подтвердил превосходство воспринятой им новой религии и достоинство людей, принявших его в свою среду. И сделал это демонстративнее, чем то мог бы любой отечественный герой. Потому-то Сабанисдзе и воспринимает подвиг Або, как чудо, и призывает колеблющихся и павших духом сограждан и единомерцев осознать всю важность происшедшего, оценить величие дара, каким явился для них этот чужеземец.

«О тебе весьма удивляемся мы, святой мученик, ибо в час этот лишь царства славы измаильтян ты волею смирение Христа ради избрал и мечом заключенный тот закон отринул, и истинный тот исповедал и Распятому Тому поклонился, как Господу и Богу!»

Нетрудно понять теперь, куда гнул Иованэ, столь настойчиво подчеркивая с самого начала чистоту арабской крови своего героя и его «сарацинскую» образованность. Ведь чем глубже укорененным в арабском племени и его вероисповедании был его герой, тем значительней, тем знаменательней выглядит его обращение. Нетрудно понять также, к какому источнику в национальной литературе восходит художественный прием поэта-патриарха Арсени, столь же настойчиво подчеркивавшего первоначальную чуждость «*святой голубицы*» Нино «жестоковым» грузинам.

Сам Иованэ, конечно, имел образцом апостола Павла, который обратился в Христову веру, будучи «из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей из Евреев, по учению фарисей [Филип 3, 5], иудеянин,.. воспитанный в сем городе [Иерусалиме],.. тщательно наставленный в отеческом законе» [Деян 22, 3].

В обращении Павла видел автор «*Мученичества Або*» прообраз описываемого им обращения, тем более, что и для Павла принятие Христа знаменовало одновременно утрату, в известном смысле,

прежней национальности. Только обращение Павла было мгновенным, катастрофическим, а обращение героя Сабанисдзе составило целый процесс притяжения чужого к новой родине.

Но значение подвига Або идет для Сабанисдзе гораздо дальше земного, более или менее очевидного, плана. Самопожертвование Або – дар не только человеческий, но и божественный. Наиболее тяжелыми, роковыми для жителей Картли последствиями чужеземного нашествия представляются Иованэ, этому «духовному патриоту», именно последствия духовные. Они смешались с отступниками от Христа, ругателями веры, которая является величайшим, а для Иованэ и вовсе единственным заслуживающим внимания и упоминания достоянием его народа, и колебаниями и прямым отступничеством разрушили многовековой союз с Христом.

Из этого гибельного состояния и выводит теперь их Сам Христос и посылает к ним героя, который отдаст за них жизнь и своею кровью омоет их грехи. Иованэ подчеркивает то обстоятельство, что обращение Або было не только земным, так сказать, внутрочеловеческим явлением, но и отражением небесного, божественного действия.

– Тебя, – обращается он к Або, – Христос среди измаильтян, как розу из шипов, выбрал и привлек к Своей Церкви.

Такой удивительный плод дало посеянное католикосом семя – «мученичествовал в ходатаи ко

Христу для нас».

Но Сабанисдзе устремляется еще дальше в своем мистическом поиске и в этом духовном восхождении в качестве последней ступени использует именно чужеродность Або.

День казни этого мученика совпал с христианским праздником Богоявления – Крещения Господня, и к тому же выпал на пятницу – день казни Иисуса. На это двойное совпадение, как передает Сабанисдзе, первым обратил внимание сам Або, который, выходя на казнь, сказал, что ему предстоит принять кровавое крещение и, подобно Христу, крестными муками одолевшему врага мира сего, явить своей смертью бессилие врага христиан.

То, что для Або было подражанием Христу в личном плане, Сабанисдзе воспринял как раскрытие глубочайшего мистериального значения общественного служения своего героя, которое придавало таинственный смысл всем нюансам биографии героя и, в первую очередь, его чужеземному происхождению.

Весь эпизод казни святого Або, начиная от взятия его под стражу, есть, с одной стороны, повторение тысяч похожих эпизодов из житий мучеников Христианской Церкви с древнейших времен и до наших дней, например, Сорока мучеников Севастийских, на которых указывает сам автор. Но с помощью торжественного тона, евангельских речений и частных Сабанисдзе постоянно принуждает читателя или слушателя

переноситься мыслью к обстоятельствам казни Сына Человеческого.

Внимательный читатель найдет здесь множество явных и менее явных евангельских реминисценций, связанных в почти непрерывную цепь. Вот несколько звеньев этой цепи: казни Або предшествует всенощное бдение героя, самосвидетельство о величии предстоящего дня, умовение и причащение; Або выводят на казнь в третьем часу дня *«великого праздника»*, приводят его к чужеземному и иноверному судье для окончательного решения его участи; по пути на казнь его сопровождают слезы жителей города, которых он просит не плакать о нем. Благодаря этому на светлый день подвига Або падает еще больший свет Великой Пятницы, а на образ Тбилиси накладывается образ Иерусалима.

Сабанисдзе – один из лучших представителей неблаженного грузинского правоверия – нигде не переступает грани, за которой уподобление Христу приобрело бы сомнительный и соблазнительный характер вытеснения и замещения. Або всего лишь один из людей, как и все, нуждающийся в Икупителе и Спасителе; и если лишится помощи Господа и святых, то преткнется и упадет.

«Был час тот третий дня того великого праздника, и, как принял он истинное то и животворящее Таинство, сказал: „Благодарю Тебя, Господи

мой и Боже, Иисусе Христе, Который дал мне в напутствие жизнеподательную Плоть Твою и в радость и в утверждение мне Честную Кровь Твою! Ныне ведаю, что не оставил меня, но со мною встал и я с Тобою. Отныне уже не приму другой пищи, от которой опять буду алкать, и ни другого питья, от которого опять буду жаждать, но довлеет мне это для жизни вечной. Ныне, если и пойду я среди теней смерти, не убоюсь от зла, ибо Ты, Господи, со мною».

Но в то же время и сам герой, и автор не боятся свидетельствовать о даре, который подается человеку за близость к Господу и подвиг самопожертвования, совершенный во имя и в подражание Христу, – дар быть соучастником Христа не только в деле собственного спасения, но и в деле спасения других людей и даже целых народов.

Как Христос, чуждый и далекий в силу своей божественной природы, был послан Богом к людям, стал Человеком и своей смертью примирил с Отцом падший Адамов род, так и чужой Або, по мысли Сабанисдзе, был послан Богом в Грузию, стал здесь своим и своей смертью примирил грешный народ грузинский с самим Христом.

Его смерть имеет в Картли те же последствия, что и смерть Христа во всем мире – восстановление союза с Богом, обновление веры, дарование божественной благодати.

«Ради тебя, святой мученик, – обращается

Иованэ к своему герою, – *любовь та Христова к нам и вера наша в Него опять обновилась... Ныне же тобою приблизился к нам Христос, и мы уразумели опять страх Его и любовь Его, и благодати Его сподобились, и любви Его, и милости день за днем многих знамений и исцелений среди нас явлением!*»

Как Христос, вслед за Воскресением и Вознесением, сделался вечным «ходатаем нового завета» [Евр 9, 15] между Богом и людьми, так и Або в силу совершенного им подвига получил благодать посредничества между Христом и грузинским народом.

«Ныне придите, Христовы верные, и будем праздновать память нового этого святого мученика, которого всему этому миру нашему Картлийскому в ходатая нам Христос даровал, и с многою радостью отверзем сокровища сердец и разумов наших, и с веселым лицом и открытою речью восхвалим доброе подвижничество его».

Еще один штрих. Подобно тому как Христос поставил своих наученных и умудренных учеников апостолами и проповедниками нового учения, так и Сабанидзе считает, что он призван не только описать, но и разнести по свету весть о самопожертвовании Або.

«Как бы мне восхвалить тебя, страстотерпец святой мученик?! Ибо ты, новый этот Христов верующий, учителем для нас стал, ученых более понимающими сделал, заколебавшихся более утвердил, утвержденных возвеселил, язычников

желающими сделал Христова рабства, память мученичества твоего нам оставил, для повести о имени твоём мы все глашатаями стали».

Провидение не отказало Сабанидзе ни в даре проповеди, ни в таланте толкователя, но, как видно, прежде всего он был художником, поскольку вдохновенную мысль о таинственном значении подвига Або не развил с логической последовательностью, но представил ее в форме поэтического синтеза, словесной симфонии. Возможно поэтому идея Иованэ относительно жертвы пришлого мученика не была вполне постигнута и удержана авторами последующего времени. В песнопениях выдающихся грузинских гимнографов Микела Модрекили и Иоанэ Конкозисдзе¹⁹, посвященных «непобедимому мученику Або, бывшему измашлянтину, грузину», несмотря на их большие поэтические достоинства, мысль Сабанидзе заметно обеднена, и чужеземное происхождение героя воспринимается как интересная частность, но не как важное, более того, основное условие той мистерии, которую видел в этом событии современник Або. Здесь есть уподобление Або апостолу Павлу, смерти Або – Крещению Господню, более того, Крещение и память Або рассматриваются, как единый праздник:

«Освятивший внутренние очи зрением Божества, Предтеча! Тобою Крещенному ревностно ныне

---

¹⁹ X в. «Чвени саундже». *Грузинская письменность*, 1, Тб., 1960, сс. 475–483; 488–493.

последовал Або и смерть ради Него претерпел», – но утрачена оригинальная идея Сабанидзе, видевшего в подвиге Або национальное подобие Богоявления, ниспосланный Грузии отсвет этого всемирного события²⁰.

И все-таки пафос «*Мученичества Або*», должно быть, оказал глубокое воздействие на сознание наших предков, и вместе с памятью о подобных ему героях грузинской истории, возможно, сыграл решающую роль в формировании того бесстрашного и непредвзятого отношения к внешнему миру, и в частности, к миру ислама, которое сохранялось в Грузии даже тогда, когда исходившие оттуда угроза и неумолимость достигали невыносимой и роковой силы, и созданию атмосферы благожелательного отношения к пришельцам, которая Грузию и, особенно тот Тбилиси, где был замучен Або, весь этот «*в заливе земли*» расположенный край, в нарушение обычных закономерностей превратила в большой перекресток народов и племен.

Если не непосредственно в творении Сабанидзе, то, по крайней мере, в глубинах народного сознания, запечатлевшего самопожертвование Або и подобных ему, нужно искать истоки отношения к чужестранцу, как к другу и даже объекту поклонения, которое является неповторимой особен-

---

²⁰ Память св. Або Тбилисского была перенесена на 8/21 янв., чтобы избежать совпадения с великим праздником Крещения и его поспраждства – Собора св. Иоанна Предтечи, отмечаемого 7/20 января.

ностью прекраснейшего из творений грузинского духа – поэмы Шота Руставели, а вместе с тем, и самой сюжетной идеи «*Витязя в барсовой шкуре*».

Ведь «*Витязь*», в сущности, является историей отчаявшегося и погибающего Таризэла, на помощь которому приходит идеальный, божественный чужестранец – Автандил, горящий такой силой любви, что готов отдать за счастье Таризэла собственное счастье и саму жизнь. В спасении Автандилом Таризэла легко прочитывается христианская тема спасения человека жертвенной любовью Бога, и таким образом, сюжет поэмы можно было бы возводить непосредственно к Евангелию. Но то обстоятельство, что Автандил (как и Нурадин-Придон – еще один участник спасения Таризэла) является чужестранцем – обстоятельство, многократно и многообразно акцентированное поэтом, позволяет говорить о преломлении этой всеобщей идеи в национальном историческом опыте, и в первую очередь, в личности и подвиге Або, так как именно в нем и в сознании его «апостола» эта особенность грузинской истории получила наиболее зримое, яркое и драматическое выражение.

И кто знает, когда Руставели причислял возвышеннейшего из своих витязей – Автандила к «*аравийскому племени*», а родину его рисовал земным раем, из которого исходит свет жизни и возрождения для других его героев, не отдавал ли он втайне долг любви и восхищения юному арабу

– «искуснику, добро смешивающему благовонные мази», образ которого в представлении предшествующих поэтов сливался с образами то мироносиц, то апостола Павла, а то и самого Христа?

Из кн.: «Мученичества Шушаник, Эвстати, Або»,
Criterion, М., 2012.

